

АНДРЕ МОРУА

Три Дюма

PREMIUM

Андре Моруа

Три Дюма

«Азбука-Аттикус»

1957

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Моруа А.

Три Дюма / А. Моруа — «Азбука-Аттикус», 1957

ISBN 978-5-389-17073-5

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Жорж Санд, Бальзака, Виктора Гюго, Шелли и Байрона, считается подлинным мастером психологической прозы. Он создал целый литературный пантеон. И особое место в нем занимает тройной портрет: генерала Дюма Дави де ля Пайетри и двух знаменитых Александров — Дюма-отца и Дюма-сына. Это также портрет девятнадцатого века, ибо, по словам Моруа, «на фоне целого столетия семейство Дюма разыгрывало на сцене Франции прекраснейшую из драм — свою жизнь».

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-17073-5

© Моруа А., 1957
© Азбука-Аттикус, 1957

Содержание

Предисловие автора[1]	6
Часть первая	8
Глава первая,	9
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	26
Часть вторая	32
Глава первая,	32
Глава вторая,	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андре Моруа

Три Дюма: романизированная биография

André Maurois

LES TROIS DUMAS

Copyright © 2006, The Estate of André Maurois, Anne-Mary Charrier, Marseille, France

Перевод с французского Ларисы Беспаловой и Серафимы Шлапоберской

© Л. Г. Беспалова, перевод, комментарии, 1962

© С. Е. Шлапоберская (наследник), перевод, комментарии, 1962

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019 Издательство АЗБУКА®

Предисловие автора¹

Мало есть имен более известных миру, чем имя Дюма-отца. В любой стране читали его книги и продолжают их читать. Поэтому мне нет необходимости оправдывать свой выбор. Изучая жизнь Жорж Санд и Виктора Гюго, я натолкнулся в процессе работы на новые документы, – и мне пришлось добавить к моей галерее романтиков портрет Александра Дюма. Критики поколения Думика – Брюнетьера, признавая в нем человека, наделенного недюжинными природными способностями, отказывали в таланте его произведениям. Прекрасная книга господина Анри Клуара возвратила Дюма его законное место в истории французской литературы.

Его обвиняли в том, что он забавен, плодовит и расточителен. Неужели для писателя лучше быть скучным, бесплодным и скардным? Рубеж, отделяющий в наши дни литературу серьезную, которую только и удостоивают уважением, от литературы развлекательной, в прежнее века не существовал. «Мольер вышел из балагана, – пишет Роже Кайуа, – и без труда перешел от простонародного фарса к придворной комедии. Бальзак обычно публиковал свои романы в газетах, позднее так же будут поступать Диккенс и Достоевский. Гюго на протяжении всей жизни умел завоевывать и сохранять любовь самой широкой аудитории». Гомер был поэтом для всех.

Бальзака, Диккенса или Толстого совершенно заслуженно ставят выше Дюма, и я со своей стороны их предпочитаю, но это не мешает мне сохранять горячую любовь к писателю, который был отрадой моей юности и в котором я и поныне люблю силу, жизнерадостность и душевную щедрость. Гюго ставил его в один ряд с лучшими писателями своего времени. «Ты уходишь от нас вслед за Дюма, Ламартином и Мюссе», – писал он в «Надгробии Теофилю Готье». Значит, автор «Отверженных» не считал, что писатель унижает себя, если его читают больше пятисот человек. Прибавим, что в жизни Дюма было не меньше приключений, чем в его романах. А это подлинное наслаждение для биографа.

Некоторым читателям, возможно, покажется странным, что я уделил так много внимания в этой работе Дюма-сыну. «Какой Дюма?» – спрашивал Анри Клуар и отвечал: «Единственный», имея в виду Дюма-отца. Я надеюсь, что мне удастся побудить этого столь справедливого критика пересмотреть свою точку зрения. Жизнь Дюма-сына малоизвестна. Я привлек множество ранее не публиковавшихся документов. Его переписка, гораздо более обширная, чем у Дюма-отца, поможет читателю лучше узнать его. Я надеюсь, она позволит понять, почему он не мог не написать тех пьес, которые изумляют, а иногда и шокируют зрителя наших дней.

На самом деле отец и сын вопреки видимости были очень близки. Оба унаследовали какие-то черты генерала Дюма. Обоим пришлось с ранних лет бороться против жестокой несправедливости. Дюма-отец много страдал из-за расовых предрассудков, Дюма-сын – из-за незаконного происхождения. Обоим пришлось доказывать себе, что они ничуть не хуже, а даже лучше других. Их любимые герои – Вершители Правосудия: мушкетеры у Дюма-отца, моралисты у Дюма-сына.

У отца «очищение от страстей» достигается путем отказа считаться с реальностью. Его называли хвастуном, вралем, но, по-видимому, он, как и Бальзак, не мог отделить реальное от воображаемого. Судьба отца служила постоянным уроком сыну. Расточительный отец породил бережливого сына, отец легкомысленный – сурового резонера. Дюма-сын решил после бурно проведенной юности перестроить жизнь в соответствии со своими принципами. Он потерпел неудачу, и в этом заключается драма его жизни. Дюма-сын разыгрывал в жизни одну из драм Дюма-сына. Я постарался нарисовать точный портрет этого раздираемого противоречиями человека.

¹ См. комментарии в конце книги.

Я должен выразить свою признательность множеству лиц. Незнакомые мне люди, узнав, что я пишу книгу о семействе Дюма, любезно прислали мне бесценные документы, ранее не публиковавшиеся. Александр Липпманн, внук одного Дюма и правнук другого, разрешил мне ознакомиться с дневником его отца. Госпожа Балашовская-Пети, которой меня представил мой любезный коллега и друг Эмиль Анрио, подарившая в свое время Национальной библиотеке бумаги Дюма-сына, великодушно открыла передо мной свое частное собрание, точно так же как и госпожа Сенкевич, госпожа Руссо, госпожа А. Дюмениль, Франсис Амбриер, господин Альфандери, господин Альфред Дюпон, госпожа Прива, господин Даниэль Тиро, господин Рауль Симонсон, господин Жозе Камби и десятки других. Люсьена Жюльен-Каин любезно перевела для меня некоторые тексты, опубликованные в России. Национальная библиотека, библиотека Арсенала и куратор собрания Шпельберх де Ловенжуль оказывали мне всяческую помощь. Архивы Суассона, Лаона и Вилле-Коттре дали мне возможность познакомиться с документами, проливающими свет на военную карьеру генерала Дюма. И наконец, моя жена, как и обычно, была моим вторым я.

А. М.

Часть первая Вилле-Коттре

Послушайтесь моего совета: женитесь на негритянке с Вест-Индских островов. Из них выходят прекрасные жены.
Бернард Шоу. Дом, где разбиваются сердца

Я собираюсь проследить на судьбе трех поколений, как последовательно менялся необыкновенный темперамент, родившийся от союза французского дворянина и черной рабыни из Сан-Доминго. Три человека, о жизни которых я расскажу, обладали, хотя и в разной мере, одними и теми же достоинствами (как бы различно они ни проявлялись): силой, храбростью, рыцарственной самоотверженностью, ненавистью к подлецам – и одним и тем же недостатком: тщеславием, порожденным мечтой об отмищении. Но мало знать темперамент человека, чтобы понять его судьбу: темперамент лишь канва, по которой вышиваются свои узоры события и воля. Итак, перед вами мой памятник трем Дюма.

Глава первая, в которой драгун полка королевы за три года становится генералом Республики

В 1789 году, вскоре после взятия Бастилии, жителей маленького городка Вилле-Коттре, расположенного к северу от Парижа, на пути из Суассона в Лаон, встревожили слухи о крестьянских бунтах и грабежах. Городок этот славился красивым замком эпохи Возрождения, принадлежавшим некогда королевской семье. Людовик XIII подарил этот замок вместе с герцогством Валуа своему брату, и с тех пор им владели герцоги Орлеанские, то есть младшая ветвь Бурбонов. Людовик XIV часто приезжал туда поухаживать за любезной его сердцу невесткой Генриеттой Английской, которую ее муж Филипп Орлеанский совершенно забросил, чтобы без помех предаваться наслаждениям со своим фаворитом шевалье де Лорреном. Позже король привез туда Луизу де Лавальер и представил фаворитку мадам Генриетте, которой пришлось с почестями принимать у себя в доме свою бывшую фрейлину.

1 сентября 1715 года сын Филиппа Орлеанского и Генриетты, тоже Филипп Орлеанский, стал регентом Франции. И на целых восемь лет Вилле-Коттре превратился в пристанище повес и распутников, составлявших двор регента. «Замок, – пишет Сен-Симон, – стал ареной диких оргий и пиров, на которых гости – и мужчины и женщины – ходили голыми». Из письма господи де Тансен мы узнаем, что эти сборища назывались «ночами Адама и Евы». Герцог Ришелье рассказывает:

По знаку мадам де Тансен, предводительницы пиршеств, сразу после шампанского тушили огни, и обнаженные сотрапезники предавались бичеванию, на ощупь отыскивая друг друга в кромешной тьме; гости покорно повиновались установленному распорядку, что немало забавляло его высочество. Безудержная любовь к наслаждениям передалась слугам замка и даже горожанам Вилле-Коттре, чьи нравы становились все более распущенными. Нередко случалось, что регент приглашал на свои празднества и ужины именитых жителей Вилле-Коттре, которые не смели ему отказать, челядь всех рангов и званий, а то и простых садовников...

Об этих оргиях следует напомнить потому, что их влияние на местные нравы сказывалось еще спустя полвека, и этим отчасти объясняется та циничная и наивная терпимость, с которой Дюма-отец всегда относился к распутству. Однако пребывание двора в маленьком городке принесло ему процветание. Судьи, судебские чиновники и приближенные Орлеанского дома построили себе красивые особняки. Прекрасный лес, где охотился и завтракал на траве Людовик XIV, привлекал любителей прогулок. Приезжих было так много, что в городе безбедно существовали владельцы тридцати трактиров и гостиниц. Одна из гостиниц, под вывеской «Щит», принадлежала Клоду Лабуре, бывшему дворецкому его королевского высочества герцога Орлеанского.

Благодаря такому прошлому Лабуре пользовался особым авторитетом. Поэтому, когда разразилась революция, он стал командиром местного отряда национальной гвардии. Вилле-Коттре, городок мирный и зажиточный, имел все основания бояться грабителей, рыскавших, по слухам, в окрестностях. Офицеры гражданской милиции попросили правительство Людовика XVI прислать солдат для защиты города. Драгунский полк королевы, расквартированный в Суассоне, отрядил двадцать кавалеристов, которые прибыли в Вилле-Коттре 15 августа 1789 года. Все окрестные жители собрались на площади у замка, чтобы полюбоваться драгунами, красовавшимися во всем великолепии своих мундиров. Один из них больше других привлекал к себе взгляды. Это был статный мулат с бронзовой кожей; изящество движений придавало его могучей фигуре аристократизм.

Когда солдат распределяли на постой, Мари-Луиза Лабуре попросила отца, который, как командир национальной гвардии, имел право выбора, взять к себе красавца-мулата.

Мари-Луиза Лабуре – своей подруге Жюли Фортен:

Драгуны, которых мы так долго ждали, прибыли позавчера... Приняли их очень тепло и охотно разобрали по домам. Мой отец остановил свой выбор на одном цветном молодом человеке из этого отряда; он очень мил. Зовут его Дюма, но товарищи говорят, что это не настоящая его фамилия и что он будто бы сын знатного дворянина из Сан-Доминго... Он такой же высокий, как кузен Прево, но манеры у него лучше, так что, как видишь, моя милая и добрая Жюли, это очень славный молодой человек...

Хозяева сразу же полюбили Дюма: добротой он был так же щедро наделен, как и силой. Командиры Дюма сообщили Лабуре, что солдат этот – сын маркиза и что настоящее его имя Дюма Дави де ля Пайетри, что соответствовало истине. Отец его, бывший полковник и генеральный комиссар артиллерии, потомок нормандского дворянского рода и маркиз милостью короля, в 1760 году отправился на острова, решив попытать счастья на Сан-Доминго. Он купил плантации в западной части острова, неподалеку от мыса Роз, и там 27 марта 1762 года от чернокожей рабыни Сессеты Дюма у него родился сын, которого при крещении нарекли Тома-Александр.

Мы не знаем, была ли потом рабыня возведена в ранг супруги. Ее внук уверяет, что была. Однако, если вспомнить нравы и обычаи того времени, брак этот представляется малоправдоподобным: нет ни одного документа, который бы его подтверждал, но нет и ни одного, который позволил бы его отрицать. Молодая женщина управляла хозяйством маркиза. Тот признал ребенка и привязался к маленькому мулату, живому и сообразительному.

В 1772 году чернокожая мать умерла. Ребенок сначала воспитывался у отца в Сан-Доминго, но в 1780 году маркиз де ля Пайетри, с тоской вспоминая о соблазнах столичной и придворной жизни, вернулся в Париж. Согласно обычаю, французские плантаторы-дворяне, возвращаясь во Францию, сыновей смешанной крови брали с собой, дочерей оставляли на островах. Молодому мулату было тогда 18 лет. Цвет кожи придавал ему экзотический вид; черты лица у него были правильные, глаза великолепные, фигура стройная, а кисти рук и ступни – изящные, как у женщины. Его принимали в свете: ведь он был сын маркиза; смолodu он пользовался большим успехом у женщин. Он поражал своей силой: однажды вечером в опере какой-то мушкетер, войдя в ложу, где сидел Дюма, оскорбил его; молодой Дюма Дави де ля Пайетри схватил обидчика и швырнул его через перила прямо на зрителей партера. Засим последовала дуэль, на которой он ранил своего противника, потому что был так же искусен в фехтовании, как и во всех телесных упражнениях.

И все же юному островитянину жилось в Париже несладко. Маркиз, крепко державшийся за свою мошну, давал ему мало денег. В 79 лет он женился на своей экономке Франсуазе Рету. Тогда сын, доведенный до крайности, решил завербоваться в королевскую гвардию.

– Кем? – спросил его отец.

– Простым солдатом.

– Превосходно! – сказал старик. – Но я, маркиз де ля Пайетри, бывший полковник, не могу допустить, чтобы мое имя трепали среди всякого армейского сброда. Вам придется завербоваться под другим именем.

– Согласен. Я завербуюсь как Дюма.

И под этим именем он поступил в драгунский полк королевы.

В полку он быстро прославился своими геркулесовыми подвигами. Никто, кроме него, не мог, ухватившись за балку конюшни, зажать лошадь в шенкелях и подтянуться вместе с нею; никто, кроме него, не мог, засунув по пальцу в четыре ружейных дула, нести на вытянутой руке

все четыре ружья. Этот атлет читал Цезаря и Плутарха, но он завербовался под простонародной фамилией, и потребовалась революция, чтобы его произвели в офицеры.

В августе 1789 года, в те дни, когда Лабуре оказывали Дюма самое радушное гостеприимство в гостинице «Щит», революция уже началась, но никому и в голову не приходило, что она зайдет настолько далеко и уничтожит освященные веками правила производства в офицеры.

Мари-Луизе Лабуре, девушке серьезной и добродетельной, понравился красивый и великодушный молодой человек, которого делало неотразимым сочетание незаурядной силы, красивого мундира и таинственного происхождения. Когда молодые люди открылись хозяину гостиницы во взаимной любви и выразили желание пожениться, Клод Лабуре поставил им единственное и весьма скромное условие: свадьба будет сыграна, как только Дюма получит чин капрала.

В конце года драгун вернулся в полк. Нашивки капрала он получил 16 февраля 1792 года. Как и большинство молодых мулатов благородного происхождения, а их в те времена во Франции было немало, Дюма решительно стал на сторону революции. Ведь только она позволяла ему надеяться на уравнивание в правах. По всей стране формировались полки добровольцев. Знаменитый шевалье де Сен-Жорж, который, как и Дюма, был смешанной крови, личность широко известная в конце XVIII века, мушкетер, композитор и, по мнению принца Уэльского, «самый обворожительный из всех „цветных“ джентльменов», тоже был покорен новыми идеями; он сформировал Легион свободных американцев и стал его командиром. Он предложил Дюма чин субалтерна. Другой офицер, полковник Буайе, наслышанный о храбрости молодого драгуна, пообещал сделать его лейтенантом. Сен-Жорж набавил цену и зачислил Дюма капитаном. Дюма сразу же умножил список своих подвигов, один захватив в плен тринадцать вражеских стрелков. Короче говоря, 10 октября 1792 года его произвели в подполковники.

Военный министр – гражданину Дюма, подполковнику:

Сим извещаю Вас, сударь, о Вашем назначении на вакантную должность подполковника кавалерии Легиона свободных американцев... Вам надлежит вступить в должность не позднее чем через месяц по получении сего письма, в противном случае сочтут, что Вы отказались от должности, и вместо Вас будет назначен другой офицер...

Временно исполняющий обязанности военного министра

Лебрен.

Таким образом, драгун, отправившийся на войну с мечтой о чине капрала, стал в тридцать лет подполковником. Он с лихвой выполнил обещание и завоевал свою прекрасную невесту. Свадьба состоялась 28 ноября 1792 года в мэрии Вилле-Коттре. Свадьба на скорую руку: типичная свадьба офицера и дочери именитого горожанина. Свидетели: подполковник Эспань и лейтенант де Без из 7-го гусарского полка, расквартированного в Камбре, Жан-Мишель Девиллен, инспектор вод и лесов, родственник Лабуре, полномочный хозяин во владениях герцога Орлеанского и госпожа Франсуаза Рету, вдова Дави де ля Пайетри, мачеха жениха. Медовый месяц: семнадцать дней в гостинице «Щит» – потом новобрачному пришлось отправиться вдогонку за полком, оставив дома беременную супругу.

Северная армия: 30 июля 1793 года Дюма производят в генералы, 3 сентября того же года «цветной» становится дивизионным генералом. А семь дней спустя Мари-Луиза Дюма разрешилась от бремени девочкой, которую назвали Александрина-Эме. Эпические времена, когда армия делала генералов быстрее, чем женщины детей.

Но революция не особенно церемонилась со своими генералами и перебрасывала их с места на место, как мячики. Получив назначение на пост главнокомандующего Пиренейской армией, влюбленный муж, проезжая через Вилле-Коттре, смог пробыть там всего четыре дня.

Клод Лабуре – своему другу Данре де Фавролю, 20 сентября 1793 года:

Генерал прибыл к нам 15-го и уехал от нас 19-го, то есть вчера, в почтовой карете. Через несколько дней он будет в Пиренеях. Дитя чувствует себя хорошо, Мари-Луиза тоже. При супруге она держалась очень мужественно и дала волю слезам лишь после его отъезда; сегодня она снова взяла себя в руки. Она утешает себя мыслью, что все эти жертвы идут на благо нации. Пожалуйста, пришли мне в четверг дюжину цыплят. Мне придется угощать офицеров, которые приедут из округа инспектировать бывший замок...

Теперь и лес, и замок, столь дорогие герцогам Орлеанским, стали именовать бывшими так же, как и их владельцев.

По разным военным документам можно было бы проследить за всеми перебросками мячика, но это и скучно, и бесплодно. Комиссары Республики, откомандированные в действующие армии, не любили генералов. Свои письма они обычно заканчивали: «С братским приветом», но относились к ним отнюдь не по-братски, особенно если генерал, как Дюма, был либерален с гражданским населением. После того как он приказал изрубить на дрова гильотину, его окрестили Человеколюбцем. Байоннские комиссары встретили вновь прибывшего генерала, посланного им Комиссией по организации и перемещению войск, весьма неприветливо и потребовали убрать его. Комиссия, не пользовавшаяся авторитетом, покорила и вскоре перебросила Дюма с поста главнокомандующего Пиренейской армией сначала в Вандею, а потом в Альпы, где он, как всегда, совершал подвиги, достойные героев древнего эпоса. С отрядом в несколько человек захватил гору Мон-Сени, где засели австрийцы, вскарабкавшись по отвесному утесу с помощью кошек. Добравшись до вершины, его люди остановились перед палисадом противника, не зная, как его преодолеть. «А ну, пустите меня!» – сказал генерал и, хватая своих солдат за штаны, одного за другим побросал их через палисад прямо на поверженного в ужас противника. Маневр, достойный Гаргантюа.

В термидоре 2-го года Республики (1794) Комитет общественного спасения назначил Дюма начальником Марсовой школы в лагере Саблон (Нейи-сюр-Сен). На первый взгляд это было большой честью. Предполагалось, что школа будет превращать сыновей санкюлотов в офицеров Республики. Но школа только что приняла самое активное участие в термидорианском перевороте, и, хотя она внесла свою лепту в дело свержения Робеспьера, Тальен все же считал опасным оставлять у ворот Парижа столь пылких молодых людей.

Через три дня после назначения Дюма школа была распущена, а генерала отправили в армию, расположенную в районе Самбры и Мааса. Два месяца спустя новое перемещение: «Гражданин, ты назначаешься главнокомандующим Брестской армией со штаб-квартирой в Ренне. С братским приветом». Этот пост оказался столь же эфемерным, как и остальные.

Комиссия по организации и перемещению пехотных войск – гражданину Дюма, бывшему главнокомандующему Брестской армией, 13 фримера 3-го года единой и неделимой Французской Республики:

Гражданин, комиссия предупреждает тебя, что, поскольку ты не имеешь назначения, твое пребывание в Париже противоречит закону от 27 жерминаля. Следовательно, ты должен выбыть в ту коммуну, которую выберешь, и уведомить комиссию о своем месте жительства. С братским приветом,

Комиссар Л.-А. Пилль.

Дюма устал от бесцельных переездов и нереальных назначений. Смелый человек, он любил сражаться и побеждать; человек открытый, он ненавидел интриги и подозрения. Он подал в отставку и уехал к родителям жены, в Вилле-Коттре, где и провел восемь первых месяцев 1795 года. Он жил там безмятежно и счастливо до тех пор, пока 14 вандемьера 4-го года

Республики Конвент, боявшийся «золотой молодежи», не вспомнил о военачальнике, пользовавшемся репутацией человека честного и надежного. Дюма, не медля ни минуты, сел в карету, но прибыл в Париж с опозданием на день. Конвент уже успели спасти другие генералы-якобинцы, в их числе и молодой человек с римским профилем по имени Наполеон Буонапарте.

Глава вторая

Генерал Бонапарт и генерал Дюма

Директория захватила власть, но популярности она не приобрела. Страна была разорена. Только война могла придать этому балаганному правительству какое-то подобие престижа. Поэтому директора обратились к извечной мечте французских королей – завоеванию Италии. Главнокомандующим Итальянской армией был назначен Буонапарте. «Генерал вандемер» мог рассчитывать на признательность Барраса, одного из директоров, который, в свою очередь, тоже был уверен в этом худощавом офицере, так как подкинул в постель корсиканцу одну из своих бывших любовниц – креолку Жозефину Богарне.

Дюма, проведя несколько месяцев в Альпийской армии, перешел в части Бонапарта, к этому времени офранцузившего свою фамилию. Хотя Дюма и его товарищам едва перевалило за тридцать, они считали себя старыми служаками, и им казалось оскорбительным попасть под начало желторотого юнца двадцати шести лет от роду. Но сразу же по прибытии в Италию Бонапарт с его умом и авторитетом сумел подчинить себе этих бравых вояк. Презирая людей, он относился ко всем без различия как к вещам, а не как к существам, себе подобным. Деспот по природе, он окружал себя только людьми раболопными. Он наделял славой лишь тех генералов, которым она была не по плечу.

Честный Дюма не внушал ему опасений. Поэтому, когда тот в октябре 1796 года прибыл в Милан, Бонапарт, и в особенности Жозефина, как уроженка Мартиники, любившая все, что напоминало ей о родных островах, оказали ему самый теплый прием. К тому же главнокомандующему были нужны такие люди, как Дюма. Несмотря на обильный урожай побед, Бонапарт чувствовал себя неуверенно. Директория скупилась на деньги и людей. Итальянская армия была измотана. А Дюма один стоил целого эскадрона. Его легендарные подвиги могут показаться невероятными, но тем не менее они не вымышлены. Из писем Бонапарта мы узнаем, что генерал Дюма лично отбил шесть знамен у численно превосходящего противника, что, умело допросив шпиона, он выведал планы австрийцев, что под Мантуей он остановил армию Вурмзера, – в этом бою он дважды менял подстреленных под ним коней. Подобно героям Гомера, герои итальянской кампании не были свободны от чувства соперничества. Время от времени какой-нибудь новый Ахилл в трехцветной перевязи удалялся в свой шатер. Всякий раз, когда Дюма почитал себя обиженным, он грозил подать в отставку. Однако Бонапарт хорошо знал, что его легко умиротворить, поручив ему опасное дело. Для этого богатыря было настоящим счастьем очутиться одному в толпе врагов, победить их силой и ловкостью и остаться хозяином поля. Если бой велся за правое дело, господин Человеколюбец убивал, не испытывая угрызений совести. В его отваге чувствовался вызов. Да, он «цветной», это так, но он этим горд и хочет быть во всем первым.

Генерал Тибо, служивший с ним, оставил нам такой его портрет:

Под началом Массена служил еще один дивизионный генерал, мулат, по фамилии Дюма, человек весьма способный и, кроме того, один из самых смелых, самых сильных и самых ловких людей, мною виденных. Он пользовался необычайной популярностью в армии: все только и говорили что о его рыцарской отваге и невероятной физической силе... И все же, несмотря на его храбрость и на все его заслуги, из бедняги Дюма, которого можно было назвать лучшим солдатом своего времени, генерала не получилось.

Дюма и вправду скорее слыл хорошим рубакой, чем искусным стратегом, но Бонапарт нуждался только в рубаках. Стратегию он брал на себя.

Ознакомившись с подлинными мемуарами свидетелей, убеждаешься в том, что знаменитая стычка под Клаузенотом отнюдь не выдумка: генерал у въезда на Бриксенский мост действительно задержал в одиночку целый эскадрон. Мост был очень узким, и на Дюма могли наступать одновременно не больше двух-трех человек. Едва они приближались, он разил их одного за другим. Сам он был трижды ранен, плащ его в семи местах пробили пули, но наступление врага он остановил. После такого подвига солдаты готовы были идти за ним хоть на край света. Австрийцы прозвали его Черным Дьяволом. Генерал Жубер, его друг и начальник, почитал его новым Баярдом. Но Александр Бертье, офицер генерального штаба и правая рука Бонапарта, относившийся с неприязнью к боевым генералам, всячески старался опорочить Черного Дьявола перед главнокомандующим. И тот некоторое время отказывался признать заслуги героя. И вновь вскипел гнев Ахилла. Однако Дюма совершил столько подвигов, что Бонапарту пришлось все же приказать Жуберу: «Пришлите ко мне Дюма».

Дюма, почитавший себя обиженным, отказался идти. Французская революция не прошла бесследно для армии, и таким генералам, как Гош, Марсо и Дюма, славившимся своими республиканскими симпатиями, чувство независимости явно мешало соблюдать дисциплину. С другой стороны, Дюма, у которого порывистость, как это характерно для жителей Антильских островов, сочеталась с приступами апатии, по временам охватывало глубокое отвращение ко всему окружающему. И при первой же неприятности он с тоской вспоминал о Вилле-Коттре и посылал в штаб прошение об отставке. К счастью, его адъютант был начеку и всегда прятал прошение в ящик. Когда же наконец Дюма явился в штаб-квартиру, Бонапарт встретил его с распростертыми объятиями.

– Добро пожаловать, тирольский Гораций Коклес! – сказал главнокомандующий.

Прием был настолько лестным, что славный Дюма не стал упорствовать в своей обиде. Он тоже протянул руки, и они братски обнялись. Бонапарт назначил Дюма губернатором провинции Тревизо. Дюма сумел завоевать горячую любовь населения и, уезжая, получил благодарность от муниципалитетов Местре, Кастельфранко и других городов за мудрое и мягкое правление. Он вполне заслужил, чтобы о нем сказали, как позже о другом французском генерале: «Приехав к нам врагом, он уезжает всеми любимым другом». Бонапарт в это время с триумфом въезжал в Париж.

После подписания мира с Италией генерал Дюма получил отпуск. 20 декабря 1797 года он вернулся к своей семье в Вилле-Коттре. Маленький городок, столь процветавший десять лет тому назад, пришел в упадок. Двор герцога Орлеанского давал работу всему городу. Теперь в Вилле-Коттре больше не появлялись знатные вельможи со свитой, не приезжали богатые путешественники. Прекратилась охота в лесу. Гостиница «Щит» пустовала. Лабуре, на котором лежало бремя забот о дочери и внучке, решил закрыть гостиницу, «только пожирившую его сбережения», и жить скромно на деньги, скопленные за годы процветания.

С приездом зятя-генерала, важной персоны в армии Республики, возникли новые планы на будущее. Клод Лабуре продал все движимое имущество гостиницы «Щит» за 1340 франков. Генерал Дюма со своей стороны расстался с пятью из шести лошадей, составлявших его личную конюшню, и выручил за них 980 ливров и 10 су. В 1798 году Лабуре снял за 300 ливров в год скромный, но довольно просторный дом, в котором с того времени и жила вся семья.

А меж тем в Париже Бонапарт становился надеждой всех французов. Чтобы успокоить Директорию, он объявил, что отныне у него одна мечта: прогнать англичан из Египта, а если удастся, то и из Индии. «Лишь на Востоке, – говорил он, – есть еще территории достаточно обширные, чтобы основать империю, достойную древних». Не будь Бонапарта, Директория никогда не возымела бы столь фантастических прожектов. К тому же директоры, побаивавшиеся победителя, надеялись таким путем удалить Бонапарта из Франции. 12 апреля 1798 года Бонапарт стал главнокомандующим Восточной армией.

Он тотчас же призвал к себе Дюма. Он считал, что Дюма слишком честен, чтобы быть по-настоящему умным, но очень хотел поручить этому генералу, умевшему, как никто другой, увлечь за собой солдат, командование кавалерией в Египетском походе. И Дюма снова прощается с родными и догоняет своего командира в Тулоне.

Бонапарт принял его, лежа в постели, в их общей с Жозефиной спальне. Жозефина, прикрытая одной простыней, плакала.

– Вы только подумайте, генерал, – сказал Бонапарт, – она забрала себе в голову сопровождать нас в Египетском походе! Вот вы, Дюма, разве вы берете с собой жену?

– Конечно нет! Я думаю, она бы меня очень стесняла.

– Если нам придется провести там несколько лет, – сказал Бонапарт, – мы пошлем за женами. Дюма, который делает одних девчонок², и я, которому и это не удастся, приложим все силы, чтобы сделать по мальчишке. Он будет крестным отцом моего сына, а я – его.

И он ласково похлопал Жозефину по округлостям, вырисовывавшимся под простыней. Жозефина утешилась. Она всегда быстро утешалась, даже, пожалуй, чересчур быстро.

Выходя от Бонапарта, Дюма встретил Клебера, с которым был дружен.

– Кстати, ты не знаешь, для чего мы туда едем? – спросил Дюма.

– Чтобы дать Франции новую колонию, – ответил Клебер.

– Вовсе нет. Чтобы дать ей нового короля.

– Не спеши, – сказал Клебер, – поживем – увидим.

– То-то и оно, что увидим.

Честный Дюма был прав. Эта грандиозная и бессмысленная авантюра была нужна только одному человеку, который хотел таким образом поднять свой престиж. Оказавшись в Египте полновластным и бесконтрольным хозяином, Бонапарт «вел себя там как султан». Отношения новоиспеченного властителя и республиканского генерала за эту кампанию вконец испортились. Дюма проявил себя таким же смельчаком, как всегда. Кавалеристы, которых он вел в наступление, отбросили мамелюков к Нилу. Когда он, вздымая на дыбы лошадь, размахивал саблей над головой, даже самые храбрые арабы с криком: «Ангел смерти!» – в ужасе кидались врассыпную.

Но вскоре победоносную армию обуяло уныние.

Дюма – Клеберу, 9 термидора 6-го года:

Наконец-то мы прибыли, мой друг, в эти края, куда так стремились. Бог мой, как не похожи они на то, что рисовалось в воображении даже самым трезвым людям!

Не терпится узнать, как ты себя чувствуешь и когда сможешь снова принять командование дивизией, которая сейчас в очень плохих руках. Мы тебя очень ждем. Люди у нас вконец распустились. Я делаю все, что в моих силах, чтобы хоть как-то добиться порядка, но ничего не получается. Солдатам не платят денег, их не кормят, и ты можешь себе представить, какой это порождает ропот...

Генералы не понимали целей войны и опасались, как бы Бонапарт не использовал их для удовлетворения своего честолюбия. Как-то в палатке Дюма несколько человек собрались полакомиться арбузами – и тут впервые прозвучали вопросы: «Стоило ли покидать Францию, ее густые леса и плодородные равнины ради этого огнедышащего неба и голых пустынь? Уж не империю ли хочет основать Бонапарт на Востоке?.. Пристало ли старым солдатам нации, патриотам 1792 года, служить интересам одного человека?»

² 13 февраля 1796 года генеральша Дюма произвела на свет еще одну девочку, Луизу-Александрину, которая умерла, когда ей не было и года. (Здесь и далее примеч. авт.)

У каждого честолюбца есть своя полиция, и один из присутствующих немедленно доложил властителю об этих разговорах. И с тех пор главнокомандующий стал называть тирольского Горация Коклеса не иначе как *«этот черномазый»*. Вот как генерал Бонапарт описывает свое столкновение с Дюма Деженету, главному врачу Египетской армии:

Когда я прибыл в Гизу, мне сообщили, что в армии есть недовольные и что многие генералы к ним присоединились; они даже утверждали, будто заставят меня прекратить наступление. Я знал, что Дюма был одним из заводил и что Мюрат и Ланн с ним заодно. Я приказал позвать Дюма и сказал ему: «Я знаю обо всем. И если бы я верил в то, что вы или ваши единомышленники хоть на минуту всерьез думали осуществить ту чепуху, которую вы забрали себе в головы, я немедленно отдал бы приказ страже расстрелять вас у меня на глазах; потом я собрал бы моих гренадеров, чтобы вас осудить; я покрыл бы позором ваши имена...» Тут Дюма заплакал, и я понял, что он добрый малый и действовал по чужому наущению. Впрочем, он никогда не отличался особым умом. К тому же я давно забыл все это...

Сын генерала Дюма в своих «Мемуарах» тоже рассказывает об этом случае. По его версии, Бонапарт якобы сказал Дюма:

– Генерал, вы пытались деморализовать армию... Вы произносили бунтарские речи. Смотрите, как бы мне не пришлось выполнить свой долг! Ваш высокий рост не мешает мне расстрелять вас через два часа.

Александр Дюма утверждает, что отец его смело ответил:

– Да, я говорил, что ради чести и славы моей родины я согласен обойти весь земной шар, но, если бы речь шла об удовлетворении ваших прихотей, я и шагу не сделал бы.

– Значит, вы не дорожите мною и готовы меня покинуть?

– Да, как только я уверюсь, что вы не дорожите Францией.

– Вы ошибаетесь, Дюма.

Разговор этот не так уж неправдоподобен. Дюма был храбр, а Бонапарт в хорошем настроении – снисходителен.

Как бы там ни было, Дюма продолжал вести себя героически: он подавил восстание в Каире, первым вошел в великую мечеть и отослал захваченные сокровища Бонапарту.

Дюма – Бонапарту:

Гражданин генерал, как леопард не может сменить шкуры, так и честный человек не может изменить своей совести. Посылаю Вам только что захваченные мною сокровища, оцененные в два миллиона. Если я буду убит или умру от тоски, вспомните, что я беден и что я оставил во Франции жену и ребенка. С братским приветом.

Но в душе Дюма уже охладел к войне. Красавца-мулата охватила ностальгия, столь частая у креолов. Он попросил разрешения вернуться во Францию. Сделать это было нелегко: на Средиземном море хозяйничали англичане. Бонапарт, который был не прочь избавиться от недовольного генерала, разрешил Дюма уехать. Но даже если бы он и хотел предоставить ему корабль, он все равно не смог бы этого сделать. В конце концов Дюма зафрахтовал маленькое суденышко «Бель-Мальтез» и с несколькими товарищами вышел в море. Капитан обещал доставить их во Францию. Но оказалось, что «Бель-Мальтез» не годится для плавания в открытом море, и, когда стала собираться буря, путешественники укрылись в ближайшей бухте: это оказался порт, принадлежавший Неаполитанскому королевству.

Бедный Дюма, до которого в Египте не доходили новости из Европы, в своем неведении полагал, что Партенопейская республика, основанная на заре Французской революции неаполитанскими патриотами, примет его с большим почетом. На самом же деле республика

прекратила свое существование: после Абукирской катастрофы англичане и австрийцы содействовали реставрации Бурбонов в Неаполе. В Таренте республиканский генерал попал в руки правительства авантюристов, которое призывало вести против Франции негласную войну, прибегая к отравлениям и убийствам. Вскоре генерала перевели в Бриндизи, и тут он понял, что его жизнь в опасности.

На следующий день после моего приезда в замок Бриндизи, когда я прилег отдохнуть, через прутья зарешеченного окна ко мне в комнату влетел большой пакет и упал на пол. В нем было два тома книги Тиссо под названием «Сельский врач». Записка, вложенная между страницами, гласила: «*От патриотов Калабрии: смотри слово „ЯД“*». Я отыскал это слово в тексте: оно было дважды подчеркнуто. Я понял, что мне грозит опасность...

Прошло несколько дней... Тюремный врач посоветовал мне есть бисквиты, размоченные в вине, и вызвался мне их прислать. Через десять минут после его ухода принесли обещанные бисквиты. Я точно выполнил его предписание, но к двум часам пополудни у меня начались такие сильные спазмы в желудке и рвота, что я не смог обедать. Приступы боли все усиливались, и я лишь чудом не отправился на тот свет. Характер спазм и рвоты свидетельствовал об отравлении мышьяком...

В результате я почти оглох, полностью ослеп на один глаз, и меня разбил паралич... Эти симптомы одряхления появились у меня в тридцать три года и девять месяцев, что явно доказывает, что в мой организм ввели какой-то яд...

В конце концов 5 апреля 1801 года генерала Дюма по случаю перемирия обменяли на знаменитого австрийского генерала Мака. Он вышел из тюрьмы изувеченным, полупарализованным, с язвой желудка. Тюрьма превратила атлета в калеку. Много воды утекло за время его заключения. Бонапарт разогнал Советы, сверг Директорию, одержал в Италии победу при Маренго и отправил Мюрата освобождать Рим и Неаполь. Во Флоренции Дюма вновь встретился с Мюратом, своим верным другом и товарищем по оружию. Прославленные кавалеристы бок о бок сражались в Италии и Египте. Мюрат, как и Дюма, сердечный человек и истинный рыцарь, с готовностью протянул руку помощи поверженному судьбой герою. И хотя он теперь был зятем первого консула, чью младшую сестру Каролину пленили его храбрость, любовь и красота, Мюрат пренебрег злопамятством Бонапарта и сделал для своего друга все, что мог. Благодаря ему Дюма удалось послать из Флоренции курьера в Вилле-Коттре.

Дивизионный генерал Дюма – гражданке Дюма, Флоренция, 8 флореаля 9-го года Республики:

Всего час назад, моя любимая, я встретился с нашим достойным другом Мюратом. Из-за своего доброго отношения к тебе он стал мне самым дорогим другом, и я до конца дней своих не устану выказывать ему благодарность. Я отправляю отсюда, как я тебе уже писал, памятную записку консулу с перечнем тех мучений, которые я претерпел по вине презренного неаполитанского правительства. Я не хочу описывать это в подробностях, потому что не должен огорчать тебя, – ты и без того достаточно истерзана долгими лишениями. Надеюсь, что через месяц я смогу наконец пролить бальзам утешения на твою удивительную душу. Я видел все твои письма генералу Мюрату и Бомону и то письмо, в котором моя обожаемая Эме пишет о своей красивой маминьке (sic!), я покрыл его тысячью поцелуев, так же как и те строки, которые ты приписала. Не могу выразить, насколько я тебе благодарен за то, что ты столь же горячо привязана к девочке, как и я, о чем свидетельствует твоя забота о ее воспитании. Благодаря такому поведению, поистине достойному тебя, ты стала мне еще дороже, и я не дожусь часа, когда смогу выразить тебе свои чувства. До свидания, моя возлюбленная жена, отныне тебе будет принадлежать еще большее место в моем сердце, потому что пережитые нами несчастья

лишь укрепили связывающие нас узы. Поцелуй наше дитя, дорогих родителей, а также всех наших друзей. Безгранично преданный тебе

Ал. Дюма, дивизионный генерал.

Генерал был столь любезен, что поручил своей супруге передать тебе 50 луидоров; ты сможешь послать за ними сразу же по получении письма.

«Супругой» этой была Каролина Бонапарт. Бедный Дюма не подозревал еще ни о своей опале, ни о той пропасти, которая отделяла семью, ставшую самодержавной, от тех, кто пять лет назад были ей равны.

Орфография письма сомнительная, пунктуация – ужасная, но стиль очарователен и напоминает нам письма генерала Гюго. Эти солдаты, надолго оторванные от своих семей, проникались к ним самой трогательной любовью. Жены, дети становились для них тем дороже, чем более недостижимы они были. А Дюма, перенесшему немало страданий в Египте и еще больше в тюрьме, мирный семейный очаг в Вилле-Коттре, любящая жена и подавно должны были казаться раем. Госпоже Гюго, романтической бретонке, выданной замуж против воли, супружеская жизнь представлялась малопривлекательной; генеральша Дюма, мягкая и мудрая уроженка Валуа, сама выбрала себе мужа и любила его всем сердцем.

1 мая 1801 года генерал прибыл в дом Лабура и свиделся наконец со своей молодой женой, дочерью восьми лет и родителями жены, которые начинали стареть. У изувеченного геркулеса не было ни гроша за душой; тюремщики отняли у него все деньги, которые он имел при себе, а жалованья за последние два года он так и не получил. Ну и что с того? Разве он не генерал Дюма, храбрец из храбрецов? Разве у него нет чина, нет прав? Разве у него не осталось в армии надежных друзей, таких как Мюрат и особенно Брюн, сохранивший верность республиканским идеалам? Он бомбардировал военные канцелярии письмами. Тщетно! Бонапарт никогда не прощал недостаточную преданность своей персоне. Главному врачу Деженету, который, обследовав Дюма, нашел, что он очень плох, и хлопотал за него, первый консул написал:

Так как вы считаете, что по состоянию здоровья он уже не сможет спать по шесть недель кряду на раскаленном песке или в трескучие морозы на снегу, прикрывшись лишь медвежьей шкурой, то как кавалерийский офицер он мне больше не нужен. Его с успехом можно заменить первым попавшимся капралом...

Изгнанник осмелился обратиться к самому властителю.

Генерал Дюма – генералу Бонапарту, 7 вандемьера 10-го года:

Генерал-консул, Вы знаете, какие несчастья мне пришлось пережить! Вам известны мои стесненные обстоятельства! Вы помните о сокровищах Каира!.. Медленное отравление, жертвой которого я стал в неаполитанской тюрьме, настолько подорвало мое здоровье, что к тридцати шести годам на меня обрушились болезни, которыми обычно страдают лишь люди преклонных лет. Меня постигло и другое горе, генерал-консул, и, должен признаться, для меня оно гораздо ужаснее тех бед, на которые я Вам уже жаловался.

Военный министр в письме от 29 фруктидора прошлого года известил меня, что мое имя попало в список генералов запаса. Сами посудите, каково мне, в мои годы, с моим именем, быть вот так, одним росчерком пера, сброшенным со счетов. Я старше всех офицеров одного со мной звания. И вот уже генералы моложе меня получают назначения, а я, я – обречен на бездействие!.. Я взываю к Вашему сердцу, генерал-консул, да внимлет оно моим жалобам.

Позвольте мне надеяться, что Вы сами сооблаговолите защитить меня от врагов, которых я, возможно, нажил себе.

Ответа не последовало. Он попытался найти поддержку у начальника генерального штаба Леопольда Бертье, брата своего старого врага по итальянскому походу, и пригласил его поохотиться в живописных окрестностях Вилле-Коттре. Бертье приехал, увез дичь и прислал благодарственное письмо.

Леопольд Бертье, бригадный генерал, начальник генерального штаба, – генералу Дюма, 7-й дополнительный день 10-го года:

Мы доехали благополучно, дорогой генерал, и сожалеем лишь о том, что не смогли подольше остаться с Вами, чтобы засвидетельствовать Вам, как глубоко мы были тронуты тем радушием и дружбой, с коими Вы нас принимали. Было бы очень любезно с Вашей стороны, если бы Вы приехали на несколько дней в мою деревушку Шампиньоле. Мой адъютант, постоянно находящийся в Париже, привез бы Вас. Не забудьте только отослать собаку накануне. Я заверяю Вас, что Вы у нас не соскучитесь. Помните, что Вы мне обещали приехать и что не в Ваших правилах изменять своему слову. Я надеюсь увидеть Вас в первые дни вандемьера, потому что в дни сбора винограда наша равнина прекрасна, как никогда. Непременно приезжайте, дорогой генерал, и предоставьте мне возможность оказать Вам столь же радужный прием, каким Вы почтили меня.

Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение Вашей супруге. С дружеским приветом...

В конце писем теперь расписывались не в республиканском братстве, а в воинской дружбе; но Бертье был из тех людей, для которых соображения карьеры выше всякой дружбы, и уж он никак не стал бы противиться решению первого консула.

24 июля 1802 года в доме на улице Лормеле Мари-Луиза произвела на свет сына, которого записали под именем Александра Дюма. Позже (в 1831 году) в акты гражданского состояния внесли поправку: к фамилии Дюма прибавили «Дави де ля Пайетри». Генерал попросил своего старого товарища генерала Брюна быть крестным отцом ребенка.

Дюма – Брюну, 6 термидора 10-го года:

Мой дорогой Брюн, с радостью сообщаю тебе, что вчера утром моя жена разрешилась от бремени большим мальчишкой; он весит девять фунтов, и в нем 18 вершков. Так что, если он будет так же быстро расти после своего появления на свет, как рос до, похоже, что он не подкачает. Да, кстати, хочу тебя предупредить: я рассчитываю, что ты будешь крестным отцом. Моя старшая дочь, которая посылает тебе нежный привет и воздушный поцелуй, будет тебе кумой. Приезжай поскорей, хоть новорожденный и не выражает желания покинуть этот мир; приезжай поскорей, потому что я уже давным-давно тебя не видел и очень хочу с тобой повидаться.

Алекс. Дюма.

Р. С. Я распечатал письмо, чтобы сообщить тебе, что озорник только что пустил струю выше головы. Неплохое предзнаменование, а?

Брюн – Дюма, 10 термидора 10-го года:

Суеверие не позволяет мне исполнить твою просьбу. Я пять раз был крестным отцом, и все мои пять маленьких крестников умерли. Когда скончался последний, я дал себе клятву никогда больше не крестить детей... Посылаю гостинцы малютке-крестной и ее матушке.

На самом деле Брюн, всецело сочувствуя старому товарищу по оружию, попавшему в опалу, все же боялся возбудить недовольство властителя. Дюма настаивал, и они в конце концов пришли к компромиссу: Брюн будет крестным отцом, но передаст свои полномочия деду Лабуре, который за него подержит внука над купелью.

Генерал отдал свою дочь Эме в парижский пансион. Он страстно привязался к красавцу-сыну, белокожему и голубоглазому, лишь курчавые волосы ребенка выдавали, что он на одну четверть африканец. Едва мальчик подрос, он горячо полюбил добряка-отца. Он восхищался его феноменальной физической силой, которую отец сохранил, несмотря на болезни, блестящим шитьем мундира, ружьем с серебряной насечкой и подушечкой из зеленого сафьяна на прикладе.

Семья перебралась в маленький замок «Рвы», находившийся в деревушке Арамон, неподалеку от Вилле-Коттре. Жили по-прежнему на широкую ногу. Генерал оставил у себя в услужении садовника, кухарку, сторожа и личного лакея-негра по имени Ипполит.

В 1805 году Дюма, понимая, что здоровье его с каждым днем ухудшается, решил поехать в Париж показаться великому Корвизару. Он взял с собой жену и сына, которых хотел представить своим друзьям. Он чувствовал, что смерть его близка, и хотел, чтобы у мальчика остались влиятельные покровители. У Мюрата и Брюна достало смелости принять приглашение на завтрак. Брюн был при этом сердечен, Мюрат – холоден. Год назад была провозглашена империя. Между новыми сановниками, маршалами, которые на глазах превращались в принцев или королей, и изувеченными в боях ветеранами революции не осталось ничего общего, кроме обременительных воспоминаний. Но маленький Александр на всю жизнь запомнил, как он в шляпе Мюрата скакал вокруг стола верхом на сабле Брюна.

Генерал Дюма попросил аудиенцию у императора и получил отказ. Корвизар не смог облегчить его страданий, и Дюма покинул Париж со «смертью в душе и теле». Может быть, стесненные средства, а может быть, желание переехать поближе к врачам заставило семью вернуться в Вилле-Коттре. Дюма поселились в гостинице «Шпага» вместе с дедом Лабуре, который тоже покинул насиженное место.

О последних месяцах жизни своего отца маленький Александр сохранил очаровательные воспоминания. Ребенок хорошо запомнил октябрьский день 1805 года, проведенный в соседнем замке, обтянутый кашемиром будуар, красивую молодую женщину, раскинувшуюся на софе. Это была Полина Бонапарт, княгиня Боргезе, разведенная со своим мужем.

Когда отец вошел, – рассказывает Дюма, – она не встала с софы. Она протянула ему руку, подняла голову – и только. Отец хотел было сесть рядом на стул, но она усадила его на софу и, положив ножки ему на колени, кончиком туфельки играла пуговицами его мундира. Эта ножка, эта ручка, эта прелестная женщина, белая и пухленькая, рядом с темнокожим геркулесом, могучим и красивым, несмотря на свои болезни, – картину очаровательнее трудно себе представить.

Внезапно до нас донесся звук рожка, раздававшийся где-то в парке.

– Охота приближается, – сказал отец, – Зверя погонят по этой аллее. Давайте посмотрим на него, княгиня?

– Не стоит, дорогой генерал, – ответила она. – Мне здесь хорошо, и я не тронусь с места; ходьба меня утомляет; но если уж вам так хочется, можете поднести меня к окну.

Отец взял ее на руки, как кормилица берет ребенка, и поднес к окну. Он держал ее там минут десять... Затем уложил на софу и снова занял свое место подле нее. Что происходило потом за моей спиной, я не знаю. Я был целиком поглощен оленем, промчавшимся по дорожке парка, охотниками и собаками. Все это тогда интересовало меня куда больше, чем княгиня...

В 1806 году Жан-Мишель Девиолен, кузен Лабуре, который остался полновластным хозяином лесов и распоряжался имперскими владениями точно так же, как когда-то управлял ими при герцоге Орлеанском (умершем на эшафоте), пришел к генералу Дюма с сообщением, что Бертье выхлопотал для него постоянное разрешение на охоту. Так сильные мира сего отделываются мелкими подачками от тех угрызений совести, которые испытывают, совершив большую несправедливость.

И генералу захотелось еще раз сесть в седло и пуститься вскачь по лесам Вилле-Коттре, но болезнь победила победителя. Однажды, когда он возвратился с верховой прогулки, ему пришлось лечь в постель. Он впал в глубокое отчаяние и на какое-то мгновение потерял самообладание.

– Неужели генерал, – воскликнул он, – который в тридцать пять лет командовал тремя армиями, должен в сорок умирать в постели, как трус? О Боже, Боже, чем я прогневил Тебя, что Ты обрек меня таким молодым покинуть жену и детей?

Он призвал священника, исповедался, а потом, повернувшись к жене, испустил последний вздох у нее на руках в тот миг, когда часы пробили полночь.

Маленького Александра заранее увезли из дому к двоюродной сестре его матери. Вечером он заснул, но в полночь обоих, и женщину, и ребенка, разбудил громкий стук в дверь. Малыш, нисколько не испугавшись, кинулся к двери.

– Куда ты, Александр? – закричала хозяйка.

– Разве ты не видишь?.. Я хочу открыть папе, он пришел проститься с нами.

Она снова уложила малыша в постель, и он заснул. На следующий день она сказала:

– Мой бедный мальчик, твой папа, который тебя так любил, умер.

– Умер?.. Что это значит?

– Это значит, что ты его больше не увидишь.

– А почему я его больше не увижу?

– Потому что Господь Бог взял его к себе.

– А где живет Господь Бог?

– На небе.

Маленький Александр смолчал, но в первый же удобный момент кинулся домой. Он вошел никем не замеченный, направился прямо в комнату, где висело ружье отца, и, взяв его, стал карабкаться вверх по лестнице. На площадке он столкнулся с матерью, которая вся в слезах выходила из комнаты покойного.

– Ты куда? – спросила она его.

– На небо.

– А что ты хочешь там делать, мой бедный мальчик?

– Я убью Господа Бога, который убил папу.

Она взяла его на руки и чуть не задушила в объятиях.

– Не говори таких слов, мой маленький! – воскликнула она. – Мы и без того достаточно несчастны!

Глава третья

Вольное детство, проведенное в праздности среди лесов

Они и в самом деле были очень несчастны. Генерал не оставил им наследства, семье нечего было ждать от императора, который упорно отказывал в аудиенции жене бунтаря. Товарищи Дюма по оружию – Брюн, Ожеро, Ланн – напомнили императору о подвигах генерала Дюма. «Я запрещаю вам раз и навсегда, – сухо сказал Наполеон I, – упоминать в моем присутствии имя этого человека». Добиться для маленького Александра стипендии в лицее или военной школе оказалось невозможным. Наполеон не отличался великодушием Октавиана Августа.

Жан-Мишель Девиолен, инспектор лесов, родственник и покровитель семьи Дюма, написал генералу Пиллю, графу империи, который состоял с ним в родстве и в бытность свою генеральным комиссаром революционной армии слышал о героизме Дюма, чтобы сообщить о кончине доблестного и несчастного генерала:

Он отошел в лучший мир вчера, в одиннадцать часов вечера, в Вилле-Коттре, куда вернулся, чтобы находиться под наблюдением врачей. Его унесла в могилу болезнь, явившаяся следствием тяжких испытаний, перенесенных им в неаполитанской тюрьме по возвращении из Египта...

Оказавшись в запасе, тяжелобольной, он не переставал молить Бога о победе французского оружия. Воистину трогательно было слышать, как за несколько часов до смерти он говорил, что ему хотелось бы быть похороненным на поле Аустерлица.

Девиолен просил назначить пенсию вдове и сиротам, которых генерал оставил без всяких средств к существованию, так как долгая болезнь поглотила те скудные сбережения, которые у него были. Он получил от Пилля ответ отрицательный, хотя и скрашенный вполне официальным выражением соболезнования. Все хлопоты оказались напрасными, старикам Лабуре снова пришлось взять на себя заботу о дочери и внуках.

Маленький Александр был сообразительным, но непоседливым ребенком. Мать и сестра научили его читать и писать, но в арифметике он никогда не смог пойти дальше умножения. Зато он еще в раннем возрасте выработал почерк военного писаря – четкий, аккуратный, щедро украшенный завитушками. Графолог наверняка увидел бы в этом свидетельство тщеславия, впрочем, мальчик и впрямь любил похвастаться. Стоило ему прочесть Библию, Бюффона и трактат по мифологии, принадлежащий перу его земляка Демутье, как он решил, что знает все на свете, и с апломбом вмешивался в разговоры взрослых, делая им замечания серьезным, наставительным тоном, за что, к своему великому изумлению, «гораздо чаще получал пинки в зад, чем похвалы». Мать, беспокоясь о его будущем, попыталась было учить его музыке, но оказалось, что он начисто лишен слуха. Зато он научился танцевать, фехтовать, а немного позже и стрелять. И делал все это отлично.

В десять лет он увлекся физическими упражнениями и мечтал лишь о саблях, шпагах, ружьях и пистолетах. Главную роль в его жизни играла не семья, а лес. Вокруг Вилле-Коттре были огромные леса, и все местные сорванцы бегали туда охотиться, ставить силки, играть в дикарей и дружить с браконьерами.

Дюма было десять лет, когда один из его родственников, аббат Консей, умер, завещав ему стипендию в семинарии при условии, что он примет духовный сан. Бедная мать, не знавшая, куда его определить, ухватилась за эту возможность и умоляла сына пойти в семинарию хотя бы для пробы. Он поначалу согласился и получил от нее двенадцать су на чернильницу – такую, как у семинаристов. На эти деньги он купил хлеба, колбасы и отправился на три дня в лес охотиться на птиц. На четвертый день он вернулся домой.

Блудным сыновьям обычно оказывают самый горячий прием. И мать, изрядно натерпевшаяся страху, обняла его, расцеловала, пообещала никогда больше не упоминать о семинарии и послала в местный коллеж аббата Грегуара.

Святой отец вскоре понял, что, хотя Дюма и сердечный мальчик, непомерная гордыня мешает ему проявлять добрые чувства. Александр был тщеславен, часто дерзил. Он мало чему научился: усвоил начатки латыни, начатки грамматики да еще усовершенствовал свой почерк, приделывая к буквам всевозможные росчерки, сердечки и розочки. Почерк его вызывал смешанное чувство восторга и отвращения. Что касается молитв, то тут он, как и в арифметических действиях, не пошел дальше первых трех: *Pater Noster*, *Ave Maria*, *Credo* (Отче наш, Богородице Дево, радуйся и Верую). По своим наклонностям он оставался тем же бродягой, дикарем и сорванцом, которого больше волновали звуки, пробуждающиеся в лесу с наступлением ночи.

Мать его, превосходная женщина, работающая и робкая, узнавала своего обожаемого мужа в этом рослом мальчике с африканской наружностью, мускулистом и сильным, которому в десять лет давали не меньше тринадцати-четырнадцати. Находясь полностью под его влиянием, она позволяла ему делать все, что взбредет в голову. Впрочем, ей не пришлось одной воспитывать этого славного и необузданного дикаря: верные друзья не бросили ее в беде. На специалистах, в отличие от политических деятелей, не отражаются смены режимов, и Девиоллен, хоть он и служил империи, при Бурбонах остался на том же посту инспектора лесов; пост этот придавал ему огромный авторитет в глазах юного Александра. Вспыльчивый и ворчливый, но по сути своей добрейший человек, он казался мальчику «королем деревьев и императором листьев».

Опекуном Александра генерал Дюма назначил другого их соседа, Жака Коллара, человека приветливого и веселого; жена его была незаконнорожденной дочерью герцога Орлеанского (Филиппа Эгалите) и госпожи де Жанлис. Рассказы госпожи Коллар знакомили маленького Дюма с эпохой старого режима, так же как рассказы матери – с эпохой империи.

То была грандиозная и небывалая эпоха. Через Вилле-Коттре проходили вражеские войска, и маленький Дюма во время французской кампании видел, как по городу ехал русский император в сопровождении казаков. Заслышав топот конницы, женщины укрылись в погребе, но ребенок, уцепившись за оконную задвижку, не дал себя увести и следил за боями. Несмотря на жестокость императора по отношению к семье Дюма, мать и сын слыли в городе бонапартистами. Вилле-Коттре оставался верен монархии. После реставрации мальчишки толпами приходили под окна вдовы и кричали: «Да здравствует король!» Но Дюма оставались верны мундиру генерала и в глубине души – Республике.

В 1815 году, когда Наполеон ждал своего часа на острове Эльба, два генерала, братья Лальман, участвовавшие в заговоре против Людовика XVIII, были арестованы полицией Вилле-Коттре и освистаны населением роялистски настроенного городка. Госпожа Дюма была возмущена оскорблением, нанесенным эполетам, которые когда-то носил ее муж.

«Послушай, мой мальчик, – сказала она сыну, – мы сейчас совершим поступок, который может нас жестоко скомпрометировать, но в память о твоём отце мы обязаны сделать это».

Она повезла сына в Суассон, где содержались в заключении Франсуа и Анри Лальман, и велела двенадцатилетнему ребенку передать им золото и пистолеты. Он храбро выполнил свою миссию. Но братья, зная, что император, только что высадившийся во Франции, спасет их, отказались от денег и оружия. Однако маленького Дюма это приключение утвердило в уважении к себе, в любви ко всему романтическому и во врожденном стремлении играть роль Вершителя Правосудия.

Во время Ста дней Наполеон дважды проезжал через Вилле-Коттре: первый раз – направляясь на север, где он предполагал соединиться с армией, второй раз – после Ватерлоо, больной, безучастный ко всему окружающему, с низко опущенной головой. Он открывал шествие

разбитой Великой армии. Зрелище страшное, величественное и настолько возвышенное, что вызывало ужас. Раненые солдаты, кое-как перевязанные, лежа в телегах, размахивали окровавленными лохмотьями и кричали: «Да здравствует император!» Потом пришла печальная весть. Самый верный из друзей генерала Дюма, маршал Брюн, был убит в Авиньоне.

Подагрический старик, король Людовик XVIII, вернулся из Гента в обозе чужеземных завоевателей. Смена режима поставила семью перед проблемой: не следует ли Александру, как предлагала ему мать, принять фамилию, на которую он имел право, – Дави де ля Пайетри? Ведь титул маркиза при реставрации открыл бы перед ним все двери.

– Меня зовут Дюма, – гордо ответил молодой Александр, – и другого имени я не желаю... Да и что сказал бы мой отец, если б я отрекся от него и стал носить фамилию деда, которого я не знал?

Мать просияла.

– Ты действительно так думаешь? – спросила она.

– Но ведь и ты со мной согласна, верно, матушка?

– Увы, да! Но что станет с нами?

Генеральша Дюма получила патент на торговлю табаком и сняла лавочку у местного медника по фамилии Лафарж. Однажды к меднику приехал погостить его сын Огюст Лафарж, белокурый красавец, служивший главным клерком у одного парижского нотариуса. Он носил каррик со множеством пелерин, облегающие панталоны и гусарские сапоги, его цепочка для часов была увешана брелоками. Маленький Дюма был ослеплен этим великолепием. Он попытался сблизиться с главным клерком, и тот благосклонно отнесся к Александру. Лафаржу доставляло удовольствие рассказывать умному мальчику о Париже, о литературной жизни, о театрах; он даже показал ему собственные эпиграммы в стихах. Дюма увидел в поэзии путь к славе, возможность заставить говорить о себе, о которой он до сих пор и не подозревал, и стал умолять аббата Грегуара научить его писать французские стихи.

– С удовольствием, – сказал аббат, – но через неделю тебе это наскучит так же, как и все прочее.

Аббат хорошо знал своего ученика. К концу недели Александр был по горло сыт стихами. Корнель и Расин нагоняли на него смертную тоску. Сын генерала Дюма, как и все его поколение, слышал слишком много волнующих рассказов, чтобы довольствоваться анализом чувств. Ему нужны были действия, пусть даже бессмысленные, но действия.

Однако юноша не может прожить одной охотой. Настало время подыскать Александру занятие. Госпожа Дюма обратилась к нотариусу Вилле-Коттре, мэтру Меннесону, тоже республиканцу, и попросила его взять Александра младшим клерком. Юному дикарю не хотелось расставаться со свободой, но тут он вспомнил о роскошном главном клерке, о его каррике со множеством пелерин, о золотой цепочке и утешился. Что ж, если служба у нотариуса обеспечит ему карьеру, доход и достаточно свободного времени для охоты, он готов поступить к нотариусу! Вначале ему там было неплохо. Его посылали со всевозможными поручениями, чаще всего он развозил документы на подпись окрестным крестьянам. Великолепная возможность совершать верховые прогулки, а иногда и пострелять в лесу!

Глава четвертая

Счастливое отрочество, пробуждение чувств, увлечение драмой

Жизнь его – самое увлекательное из всех его произведений, и самый интересный роман, который он нам оставил, – это история его приключений.

Брюнетьер

Весна 1818 года. Александру Дюма шестнадцать лет. Пора, когда пробуждаются желания, когда мальчики, дотолпе презиравшие девочек, начинают искать их общества; когда по запрещенным книгам учатся вещам запретным и оттого еще более сладостным. Среди книг, оставшихся от деда, юный Дюма нашел «Похождения шевалье де Фоблаза». Шевалье, переодетый женщиной, одерживает одну победу за другой. «Я буду вторым Фоблазом», – решил тщеславный Дюма.

– Но для того чтобы соблазнять, – говорил ему Лафарж, – нужно быть элегантным.

Возможность блеснуть вскоре представилась: бал в Духов день, праздник, отмечаемый в Вилле-Коттре с большой пышностью. На балу должны были присутствовать приезжие барышни: племянница аббата Грегуара Лоранс и ее подруга испанка Виттория. Говорили, что им по двадцать лет и что они прехорошенькие. Александр перерыл гардероб покойного деда Лабура. Там он нашел переложенные камфарой и нардом наряды времен старого режима: парчовые камзолы, шитые золотом красные жилеты, нанковые панталоны. Он запрыгал от радости и, облачившись в сюртук василькового цвета, решил, что он неотразим. На самом же деле наряд его выглядел старомодно и нелепо, но откуда бедному мальчику было знать об этом?

С гордым видом он подал руку белокурой Лоранс, острой на язык парижанке. Виттория, ее подруга, высокогрудая и пышнобедрая, типичная андалузка, казалась героиней испанской комедии. Он заметил, что, взглянув на него, девушки обменялись улыбками, и кровь бросилась ему в лицо. Однако, когда начались танцы, ему удалось взять реванш. Изумленные подруги признали, что маленький провинциал отлично справляется со сложнейшими антраша. Виттория нашла даже, что он очень неглуп.

Оркестр грянул вальс.

– Да вы прекрасно вальсируете! – сказала она с удивлением.

– Ваше мнение мне тем более лестно, что до сих пор я вальсировал только со стульями.

– Как это – со стульями?

– Ну да, аббат Грегуар запретил мне танцевать с женщинами... И поэтому учитель танцев на уроках совал мне в руки стул.

Виттория засмеялась. В тот вечер он впервые ощутил на лице ласкающее прикосновение женских локонов, впервые проник взглядом за низкие вырезы корсажей, впервые любовался обнаженными плечами. Он испустил вздох, трепетный и счастливый.

– Что с вами? – спросила Виттория.

– Ничего, просто мне гораздо приятнее танцевать с вами, чем со стулом.

От неожиданности она опустилась в кресло.

– А он очень забавный, этот молодой человек! – сказала она Лоранс. – Да, он просто очарователен!

Из этого приключения Александр вышел немного обиженным на хорошеньких девушек, которые обошлись с ним как с забавной игрушкой, и безумно влюбленным. Но влюбленным не в какую-нибудь определенную женщину, а влюбленным в любовь или, вернее, в наслаждение. И хотя парижанки подтрунивали над ним, он получил от них урок, который могут дать лишь

женщины. Они помогли ему понять, что он хорошо сложен и недурен, но что эти врожденные качества следует подчеркнуть тщательным уходом за собой и элегантным нарядом. Словом, они помогли ему перейти границу, отделяющую детство от юности.

Он собирался испытать свои чары на девицах из Вилле-Коттре. А они могли вскружить голову. Во всех трех сословиях, на которые делилось общество городка, – аристократии, буржуазии и простонародье – подрастало очаровательное поколение. Какое наслаждение было смотреть на девушек, когда в воскресный день они, надев весенние платица с розовыми и голубыми поясками и маленькие шляпки собственного изготовления, бегали и резвились, смыкая и размыкая длинную цепь обнаженных округлых ручек!

Вскоре для Дюма наступила очень приятная жизнь. С девяти до четырех он переписывал документы в нотариальной конторе, потом обедал с матерью, а к восьми часам летом и к шести – зимой молодежь собиралась на лугу или в доме у одной из барышень. Образовывались парочки, украдкой пожимались руки, тянулись друг к другу губы. В десять часов каждый кавалер провожал свою избранницу. На скамеечке перед домом они проводили вместе еще час; блаженство их лишь время от времени прерывал ворчливый голос, призывавший девушку в дом, на что она, прежде чем повиноваться, кричала раз десять: «Иду, мама!..» О Маргарита! О Гете!

Свою первую любовь Александр Дюма отдал не девицам Коллар, удачно вышедшим замуж за сыновей соседних помещиков, и не девицам Девиолен, но девушке из другой среды, промежуточной между буржуазией и простонародьем, которую составляли городские портнихи, белошвейки и торговки кружевами. Дюма встретил двух очаровательных девушек, которые всюду появлялись вместе, будто каждая из них старалась оттенить красоту подруги. Блондинка Адель Дальвен, которую он, чтобы не скомпрометировать ее, в первом издании «Мемуаров» назвал Аглаей, была скорее веселой, нежели задумчивой, миниатюрной, нежели высокой, и пухленькой, нежели стройной.

Любить ее было легко и сладостно, добиться ответной любви – очень трудно. Ее родители были старые добрые земледельцы, люди честные, но простые, и можно только удивляться, что в этом прозаическом семействе появился столь свежий и благоуханный цветок...

В Вилле-Коттре все молодые девушки пользовались полной свободой.

В нашем городке, – писал Дюма, – существовал обычай, скорее английский, нежели французский: молодые люди разного пола могли открыто посещать друг друга, чего я не видел ни в одном городе Франции; свобода эта казалась тем более удивительной, что родители молодых девиц были людьми крайне добропорядочными и в глубине души твердо верили, что все ладья, плывущие по реке Нежности, оснащены парусами непорочной белизны и обвиты флердоранжем...

На самом же деле родители плохо знали человеческую натуру и в своем оптимизме доходили до безрассудства. После года сладостной борьбы, когда «юношеская любовь предъявляет свои требования, не утомляясь постоянными отказами, когда одна за другой завоевываются маленькие привилегии, каждая из которых в тот момент, когда ее даруют, наполняет душу радостью», Адель получила у матери разрешение спать в садовой беседке. И однажды дверь беседки, уже в течение года неумолимо захлопывавшаяся за юным Дюма ровно в одиннадцать часов, в половине двенадцатого тихонько отворилась вновь: за дверью его встретили ласковые объятия, сердце, бьющееся у его сердца, пламенные вздохи и безудержные рыдания. Этой ночью Александр познал свою первую любовь. Безоблачная идиллия продолжалась два года.

По воскресеньям молодежь ватагой отправлялась на деревенские праздники. Во время одного из праздников Дюма, оставший от товарищей, чтобы навестить знакомого фермера,

встретил у поворота дороги молодую даму, которую хорошо знал. Каролина Коллар, ставшая несколько лет тому назад баронессой Каппель, гуляла в сопровождении незнакомца, похожего на немецкого студента. Этот высокий, худощавый юноша с темными, коротко остриженными волосами, прекрасными глазами, большим, четко вылепленным носом и небрежной аристократической походкой оказался виконтом Адольфом Риббингом де Левеном, сыном графа Адольфа-Луи Риббинга де Левена, шведского вельможи, известного своим участием в убийстве короля Густава III.

Графу де Левену, прозванному «прекрасным цареубийцей», пришлось эмигрировать и жить сначала в Швейцарии, потом во Франции, где он и сблизился с Колларами. С тех пор как любовь связала Дюма с девушкой из другого круга, он редко виделся с семьей своего опекуна. Госпожа Каппель обласкала Дюма, сказала, что он непременно должен подружиться с Адольфом де Левеном, который почти одних с ним лет, и пригласила его погостить три дня в замке Вилле-Эллон, где жили Коллары. Там Дюма узнал, что Адольф де Левен пишет стихи и даже посылает молодым девицам элегии собственного сочинения, отчего он пришел в восторг. Главный клерк Лафарж открыл ему глаза, рассказав, какую славу приносят занятия поэзией. Дюма получил теперь этому новое подтверждение, которое потрясло его до глубины души.

Левен вскоре возвратился в Париж, но его место занял другой приятель.

Гусарского офицера Амедее де ля Понса в Вилле-Коттре привела, вероятно, любовь, потому что он вскоре женился на одной горожанке.

Этот образованный офицер принял участие в Дюма и однажды сказал ему: «Поверьте мне, мой мальчик, в жизни существует не только охота и любовь, но и труд. Научитесь работать, и вы научитесь быть счастливым».

Работать? Это было нечто совершенно новое для юного Дюма. Амедей де ля Понс, знавший немецкий и итальянский, предложил обучить его этим языкам. Они перевели вместе прекрасный роман Уго Фосколо. Офицер открыл для молодого клерка «Вертера» Гете и «Ленору» Бюргера.

Очень важно понять характер Дюма, который сформировали одновременно и наследственность, и воспитание. Своему отцу Александр обязан физической силой, великодушием, богатым воображением и честолюбием. Как и вся молодежь его поколения, духовными вождями которой были солдаты империи, он был напичкан рассказами о всевозможных приключениях, небывалых и кровопролитных. Драма была его стихией. Он верил во всемогущество случая, во влияние мелких, незначительных фактов. Этих солдат то и дело спасал портрет, убивала шальная пуля, повергало в немилость дурное настроение властителя. Дюма полюбил в истории все, что связано с таинственной игрой случая. У него было природное чувство театрального, да и могло ли быть иначе? Сама эпоха была театральной. Но Дюма лучше, чем любой другой, лучше, потому что он сам был подобен стихийной силе, сумел выразить драматизм жизни, в котором тогда была так велика потребность.

Он был подобен стихийной силе, потому что в нем бурлила африканская кровь, унаследованная им от черной рабыни из Сан-Доминго. «Это второй Дидро, – говорили про Дюма, – аристократ по отцу, простолюдин по матери». Все это так, но вдобавок он был еще наделен невероятной плодовитостью и талантом сказителя, присущим африканцам. Стихийность его натуры проявлялась в отказе подчиняться какой-либо дисциплине, и так как в доме не было мужчины, который мог бы его обуздать, он свободно бродяжничал по лесам. Школа не оказала никакого влияния на его характер, она не сформировала и не деформировала его. Любое притеснение было для него несносно. Женщины? Он их любил, всех сразу; он с самого начала убедился, что завоевать их расположение нетрудно, но не мог понять, к чему клясться в верности одной из них. При этом он вовсе не был аморален, он просто не знал общепринятых моральных норм. Какие любовные истории ему доводилось слышать? О регенте и его оргиях в замке Вилле-Коттре, отнюдь не подходящие для детских ушей; о титанах эпохи империи,

завоевывавших сердца так же легко, как они завоевывали провинции, и относившихся со снисходительностью к женским слабостям. В юности он был страстным охотником, краснобаем, влюблялся во всех девушек, готовых слушать его рассказы, и был жаден до удовольствий. В восемнадцать лет его привлекает все, и особенно недостижимое. «Разве во мне нет, – думает Дюма, – того магнетизма, благодаря которому я выйду победителем там, где любой другой потерпит неудачу?»

Он твердо верил в свою звезду. Пыл его неистощим, он это чувствует. Знания, правда, невелики, зато в его глазах все имеет прелесть новизны.

Как-то в Суассон приехала труппа актеров с «Гамлетом» Дюси, и Дюма открыл для себя Шекспира, о существовании которого до сих пор не подозревал. В «Гамлете», обработанном Дюси, не осталось ничего шекспировского. И все же для молодого Дюма эта пьеса была открытием. «Вообразите слепца, – писал он, – которому вернули зрение, вообразите Адама, пробуждающегося после сотворения». На самом деле Дюма открыл для себя в Шекспире самого себя. Кипучая энергия людей Возрождения – что ж, он ею обладал. Он чувствовал себя гораздо ближе к ним, чем к буржуа времен Реставрации. В Шекспире его интересовали не идеи, не философские монологи и даже не изображение страстей, но свободное построение драмы и большая роль конкретных деталей: платок в «Отелло», крыса в «Гамлете», шейлоковский фунт мяса в «Венецианском купце». Словом, мелодраматические эффекты. Александр был потрясен, и так как он не привык сомневаться ни в чем, и меньше всего в себе самом, то решил стать драматургом.

Ему удалось заразить своим энтузиазмом нескольких молодых людей из Вилле-Коттре, и среди них некоего Пайе, в ту пору главного клерка мэтра Меннесона, который пятьдесят лет спустя, уже старым судьей, написал воспоминания об этой любительской труппе. Адольф де Левен, к этому времени возвратившийся из Парижа (где он жил у друга своего отца, драматурга Арно, был своим человеком за кулисами и знал многих актрис), руководил первыми шагами молодого Дюма.

В нашем кружке было несколько прелестных молодых девиц, и это подстегивало в нас желание появиться с ними на подмостках. На чердаке мы пробовали свои силы как в возвышенном, так и в комическом жанре. Чердак этот находился в большом доме, расположенном в глубине двора гостиницы «Шпага»... Низ его занимал торговец лесом, снабжавший нас досками, из которых наш товарищ Арпэн сколачивал скамьи для зрителей... Оформление зала не представляло трудностей. Охапки веток из соседнего леса, содержимое семейных гардеробов, ящики с цветами вскоре превратили наш чердак в прилично и красиво убранный зал. С декорациями мы тоже справились успешно, но сама постановка пьесы, будь то драма или комедия, требовала больших усилий. Вот тут-то Дюма и доказал, что он незаменим. Он был сразу и актером, и режиссером, и учителем дикции и пластики. Он сам выбирал пьесы для постановки в тех случаях, когда не навязывал нам своих: «Артаксеркса», «Абенсеражей» и пр. Он с голоса учил актеров правильной интонации, определял мизансцены, показывал жесты. Он говорил нам, на каких словах в фразе необходимо сделать ударение, куда смотреть, как улыбаться, – словом, полностью объяснял каждому его роль. Аплодисменты были ему необходимы как воздух. Если прием оказывался недостаточно горячим, он сердился и считал, что в этом виноваты актеры, но никак не он.

За 1820 и 1821 годы они вместе с Адольфом де Левеном набросали несколько пьес, одну из которых, водевиль в стихах «Страсбургский майор», сам Александр был склонен считать шедевром. Но вскоре Левен опять уехал, увезя с собой его душу, а Адель Дальвен вышла замуж, разбив его сердце. Ему очень хотелось покинуть Вилле-Коттре и поехать вслед за Левеном в Париж. В воображении он уже представлял себе, как его венчают лаврами, осыпают золотом. А

между тем приходилось за стол и жилье переписывать брачные контракты и составлять завещания для нотариуса в Крепи-ан-Валуа. Туда однажды и зашел его приятель Пайе и предложил ему съездить на два дня в столицу.

Но где взять деньги на дорогу? Молодого браконьера не остановили такие пустяковые препятствия. Он возьмет с собой ружье, по дороге будет охотиться, дичь продаст – и добудет деньги на расходы. Так он и сделал. По прибытии в Париж у него остались четыре зайца, двенадцать куропаток и две перепелки; в обмен на это хозяин отеля «Великие августинцы» согласился приютить его на два дня. Сражение было выиграно. Оставалось только достать билеты в театр. На следующий день в Комеди Франсез давали «Суллу» с великим Тальма в главной роли. Дюма дал себе клятву попасть в театр и помчался к Адольфу Левену, который согласился повести его к Тальма. Они застали великого артиста в его уборной; Адольф сказал, что его друг – сын генерала Дюма. Тальма помнил красавца-генерала и выписал контрамарку.

Тальма в то время безраздельно господствовал во Французском Театре, где только он один мог еще заставить публику смотреть классическую трагедию, которая из-за своей внешней холодности стала малопопулярной в это бурное время. Традиции предписывали актерам крайний аристократизм интонаций и манер. Тальма же старался в своей игре спуститься до уровня чувств простых смертных. Наполеон, просвещенный поклонник великих трагиков, как-то сказал ему: «Посмотрите на меня, я, без сомнения, самая трагическая личность нашего времени. И все же видели ли вы когда-нибудь, чтобы мы воздевали руки, вставали в заученные позы, принимали величественный вид? Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы мы испускали крики? Конечно нет, мы говорим естественно... Вот пример, над которым вам следует поразмыслить».

Тальма последовал совету и поразмыслил. Он постарался освободиться из-под ига напевного стиха, выразить некоторые оттенки чувств пантомимой. В «Британике», во время знаменитого объяснения с Агриппиной, Тальма, чтобы изобразить скуку, овладевшую Нероном, играл краем плаща и разглядывал узоры на нем. Невероятная для того времени смелость! В ролях классического репертуара он изображал характер, который можно было бы назвать романтическим. В его исполнении герои становились фатальными, сумрачными и вдохновенными. Тут явно сказались влияние «Рене» Шатобриана. В то же время Тальма изучал историю и, отойдя от «универсального человека» классиков, придавал своим героям черты, присущие их национальности и эпохе. Он был постоянным посетителем музеев и библиотек. Короче говоря, он шел по тому пути, по которому затем пойдут Гюго, Виньи и Дюма. Чтобы угодить вкусам боготворившей его молодежи, он превращал трагедию в драму. Был ли он прав? Это уже другой вопрос. Но он хорошо чувствовал свое время, понимал его и льстил ему.

На следующий день Александр увидел Тальма на сцене и был потрясен простотой, мощью и поэтичностью его игры. Когда занавес упал под гром аплодисментов и крики «браво!», юный зритель не сразу очнулся, настолько он был восхищен и околдован. Адольф де Левен предложил провести его в уборную трагика. Дюма вошел туда с бьющимся сердцем, смущенный и красный как рак.

– Тальма, – сказал Левен, – мы пришли вас поблагодарить.

– А, – откликнулся Тальма, – значит, наш юный поэт доволен?.. Пусть он приходит завтра. Я играю в «Регуле».

– Увы, – вздохнул Дюма, – завтра мне придется уехать из Парижа. Я клерк у провинциального нотариуса.

– Ба, – сказал Тальма, – да сам Корнель был клерком у прокурора!.. Господа, представляю вам будущего Корнеля!

Дюма побледнел.

– Прикоснитесь к моему лбу, – попросил он Тальма, – это принесет мне счастье.

– Да будет так! – сказал Тальма. – Нарекаю тебя поэтом во имя Шекспира, Корнеля и Шиллера. – Потом добавил: – Смотрите-ка, сколько пыла в этом мальчике. Из него должно выйти что-нибудь путное.

В мальчике и впрямь были энтузиазм и ненасытная жажда славы. «Не сомневайтесь, – сказал он Адольфу де Левену, – я вернусь в Париж, ручаюсь вам».

Возвратившись в отель, он застал там главного клерка Пайе, ходившего в Оперу слушать «Волшебную лампу», на двоих у них оставалось всего двенадцать франков. Они решили уехать из Парижа на рассвете. Но, пробегая в последний раз по улицам спящего города, Александр уверенно намечал места своих будущих триумфов.

Часть вторая Завоевание Парижа

Он окинул этот гудевший улей алчным взглядом, как будто предвкушая его мед, и высокомерно произнес: «А теперь кто победит – я или ты?»

Бальзак. Отец Горио

Глава первая, в которой Дюма открывает для себя Пале-Рояль, Шарля Нодье и становится отцом

Возвратившись в Вилле-Коттре, молодой Дюма, у которого от счастья и честолюбия закружилась голова, объявил матери, что принял решение перебраться в Париж. Лишь там найдется театр, достойный его таланта, театр, законодателем которого он наверняка станет в один прекрасный день. Но где достать деньги на первые расходы? Когда умерли ее родители, бедная генеральша Дюма была вынуждена реализовать наследство, чтобы отдать долги. После расплаты с кредиторами у нее осталось всего-навсего двести пятьдесят три франка. Она была готова отдать сыну пятьдесят. Он продал своего пса Пирама за сто франков. Но этого было явно недостаточно. На что жить в столице?

Я обращусь к старым друзьям отца: к маршалу Виктору, герцогу Беллюнскому, он теперь военный министр, к генералу Себастьяни, к маршалу Журдану... Они подыщут мне место в одной из своих канцелярий с жалованьем в тысячу двести франков в год для начала. Потом я получу повышение и, как только начну зарабатывать полторы тысячи франков, выпишу тебя в Париж.

Если Александр чего-нибудь сильно хотел, для него не существовало препятствий. Его мать, куда менее склонная к прожектерству, выдвинула ряд возражений. Как отнесутся эти военные, ставшие роялистами, и притом рьяными, как и все вновь обращенные, к сыну республиканского генерала? Александра это вовсе не беспокоило. На всякий случай он запасется письмом к генералу Фуа, депутату, лидеру оппозиции. Что же касается денег на проезд, он обыграет в бильярд папашу Картье, который продает билеты на дилижанс. Так он и сделал.

И вот однажды в пять часов утра дилижанс высадил молодого Дюма у дома 9 по улице Булуа, в самом центре Парижа. Ему исполнилось двадцать лет, у него не было никакого жизненного опыта, зато уверенности в своих силах хоть отбавляй. Он отправился в гостиницу «Великие августинцы», где еще помнили его появление с зайцами и куропатками. Проспал четыре часа, потом побежал к Адольфу де Левену, чтобы узнать у него адрес маршала Журдана, генерала Себастьяни и герцога Беллюнского. Левен, слегка ошарашенный, справился в «Альманахе двадцати пяти тысяч адресов», сообщил необходимые сведения и предсказал крах этой затеи. И он был прав. Хотя оба генерала и приняли Дюма, но один усомнился в личности посетителя, сочтя его самозванцем, второй – указал ему на дверь. Что же до военного министра, то он просто не дал аудиенции. Теперь вся надежда была на оппозицию, другими словами – на генерала Фуа. Здесь Дюма ожидал совершенно иной прием.

– Вы сын того самого генерала Дюма, который командовал Альпийской армией?

– Да, генерал.

– Он был настоящим героем. Чем могу служить? Буду счастлив оказать вам помощь. Александр изложил свою просьбу. Он хочет найти место, и как можно скорее.

– Ну что ж, посмотрим. В чем вы сильны? Знаете математику? Имеете представление об алгебре, геометрии, физике?

– Нет, генерал.

– Изучали право?

– Нет, генерал.

– Ах, черт!.. Постойте, я мог бы, пожалуй, определить вас к банкиру Лаффиту... Вы знаете бухгалтерию?

– Не имею ни малейшего понятия.

С каждой фразой генерал все больше приходил в замешательство. Дюма сказал, что сознает, сколь недостаточно его образование, однако он постарается наверстать упущенное.

– Весьма похвально, мой друг, но есть у вас пока хоть какие-то средства к существованию?

– Нет, генерал.

– Черт возьми!.. Оставьте мне ваш адрес, я должен подумать.

Дюма написал адрес. Генерал следил за тем, как он пишет, и вдруг захлопал в ладоши.

– Мы спасены! – воскликнул он. – У вас прекрасный почерк!

Надо сказать, что Дюма в ту пору и впрямь ничем больше не обладал, если, конечно, не считать его таланта, тогда, впрочем, еще никак не проявившегося. Но генерал, очевидно, счел, что этого вполне достаточно.

– Сегодня я обедаю у герцога Орлеанского, – сказал он. – Буду вас рекомендовать, – может, он возьмет вас в свою канцелярию.

Герцог Орлеанский (будущий король Луи Филипп) и в самом деле был в лучших отношениях с депутатами оппозиции, в чьих интригах он принимал участие, чем с правительством своего кузена Карла X.

Назавтра, когда Дюма, несмотря на весь свой апломб, уже начиная беспокоиться о будущем, предстал перед генералом Фуа, тот, улыбаясь, сказал ему:

– Все устроилось. Вы поступаете в канцелярию герцога Орлеанского и будете получать тысячу двести франков в год. Деньги, конечно, небольшие, но работайте хорошо – и дальнейшее зависит от вас.

«Небольшие деньги»! Молодому провинциалу это казалось целым состоянием. Он сразу же написал матери, уговаривая ее продать то небольшое, что у нее осталось, и переехать к нему в Париж. У госпожи Дюма хватило, однако, здравого смысла настоять на отсрочке, а пока она выслала ему мебель, и он снял маленькую комнатку в доме 1 на Итальянской площади. Ему предстояло работать в Пале-Рояле, штаб-квартире Орлеанского дома. Там размещались личная канцелярия герцога и управление его поместьями, целая армия чиновников, среди которых был и наш старый знакомый Девиолен, управлявший теперь всеми лесными угодьями. Новый начальник Дюма господин Удар принял его любезно и сразу же указал ему его конторку. Отныне он будет каждый день работать здесь с десяти утра до пяти вечера, а после двухчасового перерыва возвращаться и сидеть еще с семи до десяти. Где тут выкроить время, чтобы стать великим человеком?

Он обещал генералу Фуа пополнять свое образование; в этом ему очень помогал Лассань, человек недюжинных знаний. Лассаня в равной мере поразили невежество молодого человека и его ум. Он составил для него превосходный список авторов от Эсхила до Шиллера, не забыв ни Платона, ни Мольера. Он давал ему читать книги французских и иностранных классиков, мемуары, хроники. Дюма пожирал их с жадностью неопита. И в невежестве есть свои преимущества: когда классиков читают слишком рано, их не понимают и проникаются к ним отвращением. Если же их открывают в двадцать лет, в возрасте, когда начинают испытывать опи-

сываемые ими чувства, к ним привязываются. Так было и с Александром Дюма. В 1823 году, когда он приехал в Париж, во Франции зарождалась новая литература, Ламартин опубликовал «Размышления», Виктор Гюго – «Оды и баллады», Альфред де Виньи – поэмы. Скромный чиновник герцога Орлеанского и не подозревал о существовании этих писателей, но, не зная их, он разделял их стремление обновить французскую литературу.

Его первое знакомство с литературной школой, покорившей вскоре Париж, произошло по воле случая, этого самого ловкого из гидов. Как только Дюма переехал в Париж, ему захотелось ходить в театры, чтобы изучать свою *настоящую* профессию, потому что с тех пор, как он познакомился с Левеном и Тальма, он твердо решил стать драматургом. На представлении нелепейшей мелодрамы «Вампир» молодой провинциал оказался соседом обаятельного седовласого эрудита и запросто и без околичностей вступил с ним в беседу. Любезный сосед, которого забавляли наивность и искренность Дюма, преподавал ему урок библиофилии и хорошего вкуса, но был к концу третьего акта выведен из зала за свистки во время действия. Назавтра Дюма узнал из газет, что возмутителем спокойствия был не кто иной, как знаменитый писатель Шарль Нодье. Лассань сообщил ему, что Нодье – блестящий критик, автор романов и причудливых сказок и что стать его другом – большая честь. Однако для того, чтобы быть принятым в том кругу, где вращается Нодье, необходимо добиться признания.

Но как этого достичь? Левен, с которым Дюма сохранял близкие отношения, убеждал его попытать свои силы в легком жанре. Они сочинили вместе одноактный водевиль в стихах «Охота и любовь», пьеску пошловатую и посредственную, хоть в ней и было несколько довольно занятных карикатур на охотников Вилле-Коттре. Но все же водевиль был принят к постановке в «Амбигю» и принес Дюма три сотни франков, что равнялось его жалованью за три месяца. Это очень подбодрило Дюма, да и пятнадцать луидоров пришлось как нельзя более кстати, потому что начинающий драматург, успев к этому времени забыть свои провинциальные увлечения, принялся соблазнять чувствительную белошвейку, которая, по ее собственному признанию, была на восемь лет старше его.

Катрина Лабе была его соседкой по этажу в доме на Итальянской площади. Она содержала там небольшую мастерскую и умело управляла несколькими работницами. Белокурая, пухленькая, с очень белой кожей, весьма серьезная по натуре, Катрина была уроженкой Руана, где она, по ее словам, вышла замуж за «полоумного», которого ей потом пришлось бросить. На самом деле и «брак», и «сумасшедший» муж были плодами ее воображения. Когда, много лет спустя, Катрина Лабе официально усыновляла Александра Дюма-сына, ей пришлось из боязни, что документ могут потом счесть недействительным, признаться, что она никогда не была замужем³.

По воскресеньям Александр Дюма возил соседку в Медонский лес. Там они располагались на отдых, первое время на траве, потом – в одном из темных гротов. А что может быть опаснее для добродетели белошвеек, чем гроты? Голубоглазый кварталер был пылок, настойчив, немыслимо мужествен и невообразимо красив. Вскоре Катрина поняла, что у нее будет ребенок. Она убедила любовника экономии ради переселиться в ее квартиру и там 27 июля 1824 года родила ему здорового мальчугана, при крещении получившего имя Александр. Третий по счету Александр в роду Дюма.

Так скромный чиновник в двадцать два года стал отцом семейства. Он очень уважал мать своего ребенка, но отнюдь не был склонен сделать ее подругой жизни, так как мечтал совсем о другом. Прочитанные романы до того распалили его воображение, что он представлял себе знатных дам, кидающихся ему на шею, красавиц-актрис, совершающих ради него безумства, роскошные оргии. Маленькая белошвейка обладала всеми достоинствами: здравым смыслом,

³ Все биографы утверждают обратное, но, чтобы выяснить истину, достаточно посмотреть документ об усыновлении и свидетельство о смерти Катрины Лабе.

трудолюбием, преданностью и даже обаянием, но у нее не было ни образования, ни влиятельных родственников. И Дюма решил сохранить свою свободу для более волнующих приключений.

К тому же ему приходилось считаться и с генеральшей Дюма, которой он так и не осмелился сказать ни о своей связи, ни о ребенке. Мать находила, что разлука с сыном слишком затянулась, и, опасаясь, что жить ей осталось недолго, выражала настойчивое желание переехать к нему. Он немедленно дал свое согласие и снял для мадам Дюма квартиру в доме 53 по улице Фобур-Сен-Дени за триста пятьдесят франков в год. Тут весьма кстати подоспело повышение. Вместо тысячи двухсот он стал получать полторы тысячи франков в год. Прекрасный почерк произвел такое впечатление, что господин Удар рекомендовал его герцогу Орлеанскому как лучшего переписчика канцелярии, выполняющего работу быстро и хорошо.

– Вы сын того храбреца, который по вине Бонапарта умирал с голоду? – спросил герцог. – У вас прекрасный почерк, вы великолепно надписываете адреса; проходите в кабинет и садитесь за стол. Я дам вам для переписки один документ.

Через две недели после этой памятной аудиенции Дюма был зачислен в штат, то есть получил постоянную должность, и, следовательно, был навсегда застрахован от опасности умереть с голоду. Все было бы хорошо, но служба поглощала его целиком, не оставляя времени для занятий театром. Две недели в месяц он числился ответственным за «почту»: в его обязанности входило после обеда отсылать герцогу Орлеанскому в Нейи все вечерние газеты и полученные за день письма, а затем сидеть в канцелярии, ожидая возвращения курьера с указаниями его высочества. В эти вечера он не мог ходить в театр. Исключение составлял Комеди Франсез, находившийся под одной крышей с канцеляриями Пале-Рояля. Когда играли Тальма или мадемуазель Марс, лучшего нельзя было и желать. В остальные вечера Дюма в ожидании курьера читал Вальтера Скотта и Байрона – в переводе.

– Будущее за этими авторами, – говорил ему Лассань. – Наши неоклассические трагедии в самом скором времени будут забыты. Вы увидите, как появятся смелые писатели, не боящиеся нового. Постарайтесь быть одним из них.

Дюма больше ничего и не желал. А пока, в ожидании блестящего будущего, он зарабатывал четыре франка пять су в день. Генеральша Дюма приехала в Париж, привезя с собой мебель и ту скудную сумму, которая у нее осталась от наследства. Катрина Лабе и ее сын тоже нуждались в его помощи. Целых три человека на содержании скромного служащего!

Александр не сомневался, что, будь у него время писать, он создал бы шедевры. Но для этого необходимо было освободиться от «почты», пожиравшей все его вечера. Где наблюдать людские страсти, как не в свете? А когда он мог бывать в свете, если он уходил из канцелярии совершенно без сил в десять часов вечера? Бывали дни, когда, угнетенный непомерными расходами, интригами, суетой, неизбежной в большом городе, он сожалел о безмятежной и идиллической жизни в Вилле-Коттре.

Глава вторая, в которой Дюма открывает драму, королеву Христину и мадемуазель Марс

В 1827 году в Париж приехала на гастроли труппа английских актеров – они предполагали дать несколько представлений в «Одеоне», затем в театре «Фавар». Еще в 1822 году другая труппа пыталась ставить Шекспира на английском языке в театре «Порт-Сен-Мартен». Но в те годы у французов еще свежи были в памяти Ватерлоо и победы Веллингтона. Англичан считали друзьями Людовика XVIII, этого было достаточно, чтобы они стали врагами парижского партера. Злополучных актеров закидали яблоками и апельсинами, что было, конечно, своеобразным проявлением патриотизма.

Прошло пять лет после этой неудачной попытки; обстановка изменилась. Великие актеры Фредерик Леметр и Мари Дорваль подняли мелодраму до уровня искусства. Нельзя сказать, что победа была окончательной. Драма, сосланная на бульвары, не получила еще вида на жительство в Комеди Франсез: ведь даже революционная Франция охраняла храмы, где освящалась любая слава. Наполеон хотел, чтобы его короновали в соборе Парижской Богоматери; молодые драматурги-иконоборцы вознамерились покорить Комеди Франсез. Вот почему состязания между Шекспиром, известным во Франции лишь узкому кругу людей, да и то по отвратительным переводам, и классической трагедией ожидали как большого события. Успех английских актеров превзошел все ожидания. Экспрессия их пантомим сначала поразила зрителей, потом привела в восторг. Сцены агонии, в которых Кин корчился и извивался, ошеломляли публику, привыкшую к благопристойным кончинам во Французском Театре. Кембль умирал, как умирают в жизни. Его сатанинский сардонический смех еще долгое время будет звучать на французской сцене. Мисс Гарриет Смитсон в сценах безумия и голода не уступала в реализме своим товарищам. А когда королева трагедии мадемуазель Марс, посетив один спектакль англичан, стала ходить на них каждый день, романтики торжествовали. «Наши актеры ходят к англичанам, как в школу, – писали они, – и смотрят на них во все глаза». Влияние англичан заставило актеров с бульваров утрировать изображаемые ими чувства, искать пьес со сценами безумия, бреда, агонии. Бокаж и Дорваль хотели найти пьесы, которые позволили бы им соперничать с победоносными гостями. Дюма дал себе клятву создать для них такие пьесы. Он посещал все спектакли англичан и делал записи.

Я видел в роли Отелло Тальма, Кина, Кембля, Макриди и Жоанни... Тальма играл мавра, которого уже коснулась венецианская цивилизация; Кин – дикого зверя, полутигра, получеловека; Кембль – мужчину в расцвете сил, вспыльчивого и неистового в гневе; Макриди – араба времен гренадского халифата, изящного и рыцарственного; Жоанни – играл Жоанни...

Он бешено аплодировал Макриди, Кину, Кемблю и прекрасной Гарриет Смитсон. Сцены безумия, убийства, самоубийства, ревность Отелло, смерть Дездемоны потрясали его до глубины души. «В первый раз, – писал он, – я видел в театре подлинные чувства, испытываемые мужчинами и женщинами из плоти и крови». Он не знал английского, но ему было достаточно жестов, мимики и интонаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.